

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П70

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление серии – *Екатерина Петрова*

Внутреннее оформление – *Ирина Гришина*

Прах, Вячеслав.

П70 Отель : [роман] / Вячеслав Прах. —
Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-17-127250-0

«Я просыпался с одной-единственной женщиной на протяжении четырех лет. Я мыл ее каждый день. Я расчесывал ее длинные вьющиеся волосы, стирал ее платье и называл частью своей души. Я умел сравнить утренний июльский рассвет с ее сонной улыбкой. Я рассказывал ей, что срок жизни у Бога и цветов совершенно разный и что срок ее дыхания окажется где-то посредине длительности жизни одного и другого.

Она любила красные яблоки, а я любил ее. А еще я любил рисовать натюрморты...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Прах В., 2017
© ООО «Издательство
АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-127250-0

*Благодарю отца, у которого
я позаимствовал чувство юмора.*

Мой дорогой читатель, первую часть книги ты, возможно, сочтешь пафосной и возвышенной. Так как часто я буду упоминать о Боге, о душе и о своих художественных задатках.

Прошу простить мне мою молодость.

Во второй части своего рассказа я буду тебя смешить. Поскольку внезапно в себе обнаружу призвание колумниста, который напишет удивительную правду о жизни обыкновенных людей. А дивная история о том, как гусь съел корову на завтрак, станет моим громким триумфом. Мне хочется, чтобы ты смеялся, читая строки о прозаичности жизни самого простого человека. Может быть, в некоторых строках ты найдешь и себя.

Читая третью часть моей книги ты, возможно, о чем-то задумаешься. Мы поговорим с тобой о важном с глазу на глаз. Ведь нельзя же все время смеяться, нужно хоть на время становиться серьезным.

Моя история банальна, как розы. И если вдруг ты захочешь над ней поплакать, то знай, что твои слезы прольются зря.

Вступление

Этот город называют живописным местом люди, которые не разбираются в живописи, а лишь говорят о ней. Те заблудшие туристы, которые не знают аромата вечерних улиц, его утренней росы с примесью запаха свежеспеченных круассанов нашего талантливого пекаря Мишеля. А знаете ли вы, что печь круассаны — это искусство? Этот город — произведение Мастера, отпечаток указательного пальца Бога. Плод его бездонного вдохновения, на который он потратил больше всего своих самых искренних чувств и самых ярчайших красок, оставив более скучные цвета на людей и другие города.

На вкус этот плод сладок, как медовая груша или грона налитого черного винограда, который сегодня же в плетеных корзинах отправят на вино.

На вид он — как лицо прекрасной женщины, в которую суждено один раз и на всю остав-

шуюся жизнь влюбиться. А заметив после опьянения ее изъяны — влюбиться и в них. Прошу простить меня за простоту данного эпитета и излишнюю сентиментальность, но точнее выразить, как он выглядит, я не могу.

Посвящается каждой улице этого незабвенного города, мысль о котором заставляет вздрагивать мое здоровое, крепкое сердце. Этот уголок света и бесконечного тепла хочется утаить от всего мира, упиваться им наедине с собой. Но душа моя слишком переполнена чувствами к нему, и утаить его только в себе одном — это значило бы оставить его без должного внимания. (Почему у самых прекрасных созданий принято, что оставить без внимания — это в какой-то степени равносильно предательству?) Самый великий подвиг, который может совершить писатель для источника своей любви — написать о нем в своей книге или ему эту книгу посвятить.

Посвящается месту, которое украло часть моей души и теперь каждую ночь перед сном зовет меня вернуться за ней.

Посвящается городу моей вечной любви.

Сен-Поль-де-Ванс

Отель «Золотая голубка»

1923 год

* * *

Мишель — пекарь от Бога. В нашем зеленом и укромном уголке «от Бога» принято именовать все, что представляет собой некую уникальную ценность, в своем роде — неповторимость; все, что вынуто из души и наполнено своим трудом, — оно идет от Бога. Будь ты художником, писателем, скульптором или просто обыкновенным пекарем.

— Здравствуй, Мишель, — поприветствовал я своего старого доброго друга, которому в прошлом месяце исполнилось сорок семь. Этот необъятной пышности и добра человек был старше меня на двадцать три года, и если бы у него был сын, то, возможно, он был бы моим ровесником. Но сына у пекаря не было, как не было и голубки-жены, бархотки-дочки и даже толстого ласкового кота, ко-

того после работы можно было бы прийти и помучить.

— Доброе утро, дружище, — радостно поприветствовал он меня в своей маленькой уютной пекарне у центрального фонтана.

Место «у фонтанов» — это сердце вечноцветущего города. Здесь расположены самые главные рестораны и кафе.

Ни для кого не секрет, что сердце местных жителей — это их желудок. В этом вся она — Франция.

— Мне — как всегда. Они еще теплые? — ткнул я пальцем в произведения кондитерского искусства, гордо выставленные в корзине на витрину.

— Обижаешь. Где ты оставил Луизу?

— Она еще спит. Ты знаешь, она у меня поздняя пташка.

— Да-а-а. Чудесное дитя. Храни Дева Мария ее сон.

— Благодарю, Мишель. Удачного тебе дня.

— И тебе, мой дорогой друг.

Я оставил пять франков в знак благодарности за наш с Луизой сегодняшний завтрак. По пути к дому я зашел в кофейню «У Ренуара» и принес с собой еще два бумажных стаканчи-

ка какао с мятой. Это был любимый напиток моей четырехлетней дочери.

— Доброе утро, Луиза.

— Доброе утро, папа.

Я приучил ее просыпаться с улыбкой, ведь новый день — это чистый нетронутый лист, в котором нет продолжения вчерашнего дня. Вчерашние тревоги канут в Лету, как и наша молодость, как любимые исполнители и их пластинки, как актеры и их чудные роли, как цветы, растущие в нашем саду. Ее улыбка для меня — такая же святыня, как икона для истинного служителя Бога. Бог один. Меня с детства учила этому мама, этому с детства учу ее я. Мне двадцать четыре года, а ей всего лишь четыре.

«Где ее мама?» — спросит меня внимательный читатель, которому небезразлична наша с ней судьба. Как сказал однажды Поль Ру: «Утерянные игрушки попадают в страну утерянных игрушек, а потерянные мамы — в страну потерянных мам». Когда-нибудь моя Луиза узнает настоящую правду о своей матери, но пока ее мама, прекрасная и богатая, цветущая в самом центре Парижа, умеет жить и находить в своей жизни радость. Хотя для меня

мама Луизы — это всего лишь лужа, в которой я находил грязь изо дня в день на протяжении четырех лет. Своей маленькой кровинушке с вьющимися волосами и бесконечно любопытными глазами я поведал историю о том, как матушка Жаклин плавает каждый вечер на своем личном катере по бушующим водам Сены вдоль Монтебелло и обратно. Ей нравится смотреть на звезды, это у них с Луизой общее.

Жаклин — француженка. В венах моей дочери течет французская кровь.

— А ты сегодня будешь рисовать корзину с яблоками?

Моя кровь показала на горчичного цвета корзину, в которой лежали два целых яблока и одно надкушенное. У Луизы была слабость — спелые красные яблоки размером с мой кулак. Она могла их есть целыми днями.

— Ты нанимаешь меня, чтобы запечатлеть на бумаге источник своей любви? — сказал серьезным взрослым голосом я. Признаюсь, у меня никогда не получалось изображать взрослого.

— Да, — радостно воскликнула она. — Я нанимаю тебя.

— Ну что же, — тяжело вздохнул я. — Художник — человек свободный до тех пор, пока ему не будут готовы хорошенько заплатить. Кстати, юная леди. Каково жалованье за мой труд?

— Ну, — задумалось еще сонное очаровательное создание, имевшее ангельские черты лица. Если бы ангелом можно было назвать женщину, которая ее однажды оставила мне. — Я могу тебя поцеловать, — наконец сказала она.

Я улыбнулся... Такие слова мне уже доводилось слышать ранее...

Глава первая

Женские груди.

Жаклин и Париж

В пятнадцать лет я открыл в себе задатки человека, который умеет изображать на холсте то, что он видит. А видел я из окна своей спальни большие грузовые суда, которые далеко-далеко посредине моря могли стоять тридцать суток, а то и пятьдесят, ни разу не сдвинувшись с места; сонных рыбаков, которые в пять тридцать утра выходили со снастями к морю и встречали удивительной красоты рассвет, ловили попутно рыбу и смотрели вдаль на уснувшие баржи. Все свое детство я прожил возле моря, в одном маленьком сицилийском городке, имеющем короткое название «Джела».

В семнадцать лет я уже видел, даже, можно сказать, познавал оголенную грудь итальянской длинноволосой девицы, которая, воодушевленная и плененная чарами художника, позирова-

ла мне своим приданым во имя искусства. Мне нравилось рисовать женскую грудь. Грудь — это такая выпуклость, на которую я мог смотреть вечно, получая невероятное удовольствие от увиденного. Я мог сравнивать эти твердые прекрасные шары с земными шарами, планетами, с созревшими сочными арбузами, с маленькими недоспелыми дыньками или даже с крохотными гронками нашего местного винограда Moscato di Pantelleria. Любой винодел знает, что сбор винограда всегда начинается с белых сортов — они созревают раньше. Любой итальянский мужчина знает, что итальянские девушки смуглых сортов созревают рано.

В семнадцать лет мне казалось, что нет занятия более занимательного на свете, чем созерцать прекрасное, ослепительное и пьянящее у самых спелых и очаровательных созданий.

В восемнадцать лет я покинул Италию в поисках себя, так как в этой стране я себя не нашел. Мальчика с карими глазами и овладевшими его разумом и мыслями большими налитыми грудями было не удивить бесконечными рапсовыми полями пустынной Тосканы, словно нескончаемыми песками Египта, на которые обрушивалось желтое солнце, полями,